

Специализированные относительные местоимения, образованные от вопросительных, в славянских языках

© 2020

Мария Александровна Холодилова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; hol_m@mail.ru

Аннотация: В некоторых славянских языках существуют относительные местоимения, образованные от вопросительных с помощью дополнительных показателей, таких как *-to* в болгарском, *-r* в словенском, *што* в македонском. Такие местоимения занимают различное положение в системах релятивизации славянских идиомов, конкурируя с относительными местоимениями, не содержащими дополнительных маркеров: в некоторых языках (в современных литературных вариантах словенского, болгарского и лужицких) центральное положение в системе занимают специализированные относительные местоимения, в некоторых (прежде всего в чешском и польском) их использование ограничено немногочисленными контекстами, в третьих (в литературном македонском, а также в ряде славянских идиомов, отличных от литературных языков) в относительных конструкциях широко представлены как специализированные относительные местоимения, так и местоимения, совпадающие с вопросительными. Несмотря на значительные различия в статусе специализированных местоимений в рассматриваемых языках, можно показать, что их дистрибуция подчиняется некоторым сходным закономерностям. Появление маркеров более характерно для левой части семантической иерархии относительных конструкций, предложенной А. Гросу и Ф. Ландманом: «нерестриктивные — рестриктивные — максимизирующие».

Ключевые слова: местоимения, относительные конструкции, рестриктивность, синтаксис, славянские языки, сложное предложение

Благодарности: Я благодарю С. С. Сая, прочитавшего более ранний вариант настоящей статьи и высказавшего ряд важных замечаний. Работе над статьей также значительно помогли penetrating соображения, высказанные анонимными рецензентами.

Для цитирования: Холодилова М. А. Специализированные относительные местоимения, образованные от вопросительных, в славянских языках. *Вопросы языкознания*, 2020, 4: 7–24.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.7-24

Specialized interrogative-based relative pronouns in Slavic languages

Maria A. Kholodilova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia; hol_m@mail.ru

Abstract: Relative clauses in some Slavic languages can be introduced by relative pronouns derived from interrogatives with specialized markers, such as *-to* in Bulgarian, *-r* in Slovenian, and *što* in Macedonian. The distribution of these pronouns varies drastically from language to language. While in Modern Standard Bulgarian, Slovenian, and Sorbian languages derived interrogative-based relative pronouns

are used predominantly, Czech and Polish almost exclusively make use of relativizers which are not differentiated from interrogative pronouns, whereas Macedonian allows both types of relativizers in most contexts. Even though Macedonian is unique in this respect among modern standard varieties, the competition between specialized and non-specialized relative pronouns is more widespread among a few non-standard and older Slavic varieties. Despite the fact that specialized relative pronouns are prevalent in some varieties and exceedingly rare in others, the patterns of their distribution show some striking similarities across Slavic languages. The use of specialized relative pronouns abides by the semantic hierarchy by Alexander Grosu and Fred Landman, relative marking being most prevalent in appositive relative clauses and least common in maximalizing contexts.

Keywords: complex sentence, pronouns, relative constructions, restrictivity, Slavic, syntax

For citation: Kholodilova M. A. Specialized interrogative-based relative pronouns in Slavic languages.

Voprosy Jazykoznanija, 2020, 4: 7–24.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.7-24

Введение

В ряде славянских языков представлены местоимения¹, вводящие относительную клаузу и образованные от вопросительных местоимений с помощью некоторого дополнительного показателя. Так, например, в болгарском языке вопросительное местоимение 'кто' имеет вид *кой* (1), в то время как при релятивизации используется специализированное относительное местоимение *който*, состоящее из основы вопросительного местоимения и показателя *-то* (2)².

БОЛГАРСКИЙ [Rudin 2009]³

- (1) *Кой / *кой-то има време?*
кто кто-REL имеет время
'У кого есть время?'

- (2) *Човек, кой-то / *кой има време...*
человек кто-REL кто имеет время
'Человек, у которого есть время...'

Для некоторых славянских языков (литературного болгарского, лужицких и словенского) использование такого дополнительного показателя при релятивизации обязательно во всех или почти во всех случаях [Bauer 1967]. Так, в примере (2) специализированное относительное местоимение не может быть заменено местоимением, совпадающим с вопросительным.

В других же языках такие местоимения, образованные от вопросительных, сосуществуют в системе и конкурируют с местоимениями, которые неотличимы от вопросительных. Так,

¹ Здесь и ниже термин «местоимение» используется в широком значении и относится не только к местоименным словам с дистрибуцией именной группы, но и к местоименным наречиям, ср., например, использование этого термина в [Шведова 1998].

² А. А. Зализняк называет такие показатели релятивизаторами [Зализняк 1981; 2004], однако в настоящей статье (ср., например, сходный терминологический выбор в [Янович, Грунтова 2007]) этот термин используется в качестве перевода английского «relativizer» в том значении, которое представлено, например, в [van der Auwera, Kučanda 1985], — как зонтичный по отношению к любым единицам, вводящим относительную клаузу (в частности, относительным местоимениям и союзам в относительных конструкциях).

³ В примерах (1)–(2) транслитерация, используемая в [Rudin 2009], заменена на орфографическую запись.

например, в македонском языке в функции показателя релятивизации допустимо как местоимение *кој* ‘кто, который’ (3), так и его дериват *којшто* (4).

МАКЕДОНСКИЙ (InterCorp, субтитры)

- (3) *Не, јас сум тој кој е почестен.*
 нет я быть.1SG тот который быть.3SG почтен

‘Нет, это для меня честь (букв. я тот, кто почтен)’.

- (4) *Јас сум сега тој којшто е многу ранлив.*
 я быть.1SG сейчас тот который-что быть.3SG очень уязвимый

‘Это я сейчас очень уязвим (букв. я сейчас тот, кто очень уязвим)’.

Ниже в настоящей статье принято решение называть местоимения, подобные *кој* в примере (3), неспециализированными относительными (или более описательно, например относительными местоимениями, внешне неотличимыми от вопросительных), а образованные от них местоимения, содержащие дополнительные показатели, — специализированными относительными. Необходимо отметить, что во всех случаях при этом подразумеваются только местоимения, образованные от вопросительных основ, т. е., например, не обсуждается чешское относительное местоимение *jenž* ‘который’, образованное от указательной основы [Bauer 1967: 303]. В настоящей статье будет рассмотрена на корпусных данных конкуренция неспециализированных и специализированных относительных местоимений.

Необходимо оговориться, что в основании настоящего исследования лежит небесспорное допущение, что специализированные местоимения, в соответствии с определением выше включающие некоторый дополнительный показатель, образуют единый класс, противопоставленный менее сложно формально устроенным неспециализированным местоимениям. Неочевидность этого допущения связана с тем, что в качестве маркеров, образующих специализированные местоимения, выступают в славянских языках по меньшей мере три диахронически различных единицы, ср. $-ž < *g^{w(h)}$ [Mitrović 2016] (этот или родственный показатель представлен в чешском, лужицких, словенском, древнерусском); *-to* (в польском, болгарском и древнерусском); *што* (в македонском). В наибольшей степени выбивается из этого списка последний показатель, поскольку для него возможна альтернативная трактовка наблюдаемых данных (представление о различной морфосинтаксической природе болгарского *-to* и македонского *што* отражено, в частности, в работе [Rudin 2014]). Так, македонское *којшто* можно рассматривать не как единое слово, а как сочетание относительного местоимения и энклитического союза. В таком случае македонские относительные конструкции следует отнести к классу таких, в которых могут одновременно выступать два релятивизатора (doubly filled COMP), что описывается в литературе, например, для баварского немецкого [Bayer 1984]⁴. Такая трактовка едва ли возможна для показателя *to*, который в рассматриваемых языках не выступает самостоятельно в качестве союза или релятивизатора. В настоящей статье не отрицается возможность такой трактовки для македонского *којшто*, однако дальнейшее обсуждение основано не на этом возможном анализе, а на противопоставлении формально более сложных и более простых релятивизаторов. Представляется, что по крайней мере на этом уровне абстракции рассмотрение специализированных относительных местоимений в качестве единой группы оправданно и хотя бы потенциально может давать достаточные основания для обобщений. Более подробно признаки, лежащие в основании описываемого противопоставления, обсуждаются в выводах.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 1 в наиболее общих чертах обсуждается представленность в славянских идиомах релятивизаторов, совпадающих с вопросительными и образованных от них с помощью дополнительных показателей. В разделе 2 обсуждается влияние на выбор местоимения в славянских языках

⁴ Аналогичная конструкция отмечается и в македонском турецком [Matras, Tufan 2007: 224].

семантического типа зависимой клаузы: высказывается предположение, что многие частные тенденции в использовании специализированных относительных местоимений в славянских языках подчиняются общей закономерности, согласно которой такие местоимения тяготеют к контекстам с более независимым семантическим вкладом вершины.

1. Представленность специализированных относительных местоимений в славянских идиомах

Славянские идиомы различаются по наличию и распространенности специализированных относительных местоимений. В табл. 1 ниже приводится общая информация о наличии в литературных славянских языках специализированных относительных местоимений и использовании в той же функции относительных местоимений без дополнительных показателей. Для языков, в которых существует синхронная вариативность в образовании релятивизаторов, приведены основные работы, в которых эта вариативность обсуждается.

Заливкой в таблице 1 (с. 11) выделены клетки, соответствующие отсутствующим или периферийным для системы вариантам. Как видно из таблицы, в большинстве литературных славянских языков, кроме македонского, один из вариантов релятивизации (с помощью неспециализированных или специализированных относительных местоимений) можно указать как единственный или явно преобладающий.

В разделах 1.1–1.3 приводятся более подробные данные по отдельным языкам: базовые доступные сведения для современных литературных языков, а также для диалектов и более ранних идиомов.

1.1. Восточнославянские языки

Как видно из табл. 1, показатели, образующие специализированные относительные местоимения от вопросительных, по всей видимости, отсутствуют в современных литературных языках восточнославянской группы. В статье [Зализняк 1981: 92] для современного белорусского языка в этой функции упоминается *гэта* ‘это’, однако в параллельном русско-белорусском корпусе [НКРЯ] такие примеры обнаружить не удалось, при этом опрошенные носители белорусского языка⁵ не признают грамматичным приводимый А. А. Зализняком пример (5). Таким образом, если эта конструкция представлена в современном белорусском языке, она, возможно, носит диалектный характер.

- (5) (*) *Чалавек, котары гэта быў у нас...* [Зализняк 1981: 92], знак приемлемости соответствует оценке носителей и поставлен мной. — М. Х.

Согласно [Зализняк 1981; 2004: 193–195], относительные местоимения с маркерами *же* и *то*, образованные от вопросительных, встречались в древнерусском, и в близкой функции, возможно, выступали также частицы *ти* и *се*.

1.2. Западославянские языки

Из западославянских языков использование специализированных относительных местоимений наиболее распространено в **лужицких** языках, где дополнительный маркер, как правило, обязателен [Bauer 1967], ср. верхнелужицкий пример (6).

⁵ Я благодарю за помощь в сборе данных по белорусскому языку Е. В. Медведеву.

Таблица 1

Распространенность в современных литературных славянских языках в качестве релятивизаторов неспециализированных и специализированных местоимений с вопросительной основой⁶

Группа	Язык	Неспециализированные относительные	Специализированные относительные	Описания конкуренции
Восточно-славянские	русский	+	—	
	украинский	+	—	
	белорусский	+	?—	
Западно-славянские	чешский	+	—/+ (-ž, -žto)	[Bauer 1967]
	словацкий	+	—	
	польский	+	—/+ (to)	[Mendoza 2010]
	лужицкие	—/+	+ (-ž)	[Faßke 1981]
Южно-славянские	болгарский	—/+	+ (-mo)	[Rudin 2008; 2009]
	македонский	+	+ (што) ⁷	[Корубин 1969; Kramer, Mitkovska 2011: 16]
	словенский	—/+	+ (-r)	[Mitrović 2016]
	сербохорватский	+	?—	[van der Auwera, Kučanda 1985; Kordić 1995: 172; Пипер (ред.) 2018: 251]

ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ (Parasol, Н. А. Островский. «Как закалялась сталь»)

- (6) *Přišedši k městnu, hdže-ž Pjetljura steješe...*
 придя к месту где-REL Петлюра стоял
 ‘Подходя к месту, где стоял Петлюра...’

К числу немногочисленных исключений относятся местоимения *z wotkel* (также *zwotkel*, *z wotkal*, *zwotkal*) ‘откуда’ и *dokal* ‘куда’, допускающие отсутствие маркера [Faßke 1981], ср. данные табл. 2.

⁶ В таблице используются следующие обозначения: «+» — вариант широко представлен в системе; «—/+» — вариант присутствует, однако периферичен (сильно ограничен лексически и/или конструкционно); «—» — вариант отсутствует в системе. Знак «?» указывает на спорность наличия соответствующего местоимения или его анализа как относительного. Такие спорные случаи оговариваются отдельно в разделах 1.1 и 1.3.

⁷ В соответствии с прескриптивными источниками, в македонском языке слитно с показателем *што* пишутся основы *кој* ‘который’ и *чий* ‘чей’, в то время как остальные местоименные основы отделяются от этого показателя пробелом [Kramer, Mitkovska 2011]. В корпусе InterCorp широко встречаются отклонения от первого правила (т. е. отдельные написания, такие как *кој што*), однако последовательно соблюдается второе.

Таблица 2

**Частотность специализированных относительных местоимений
в зависимости от основы в верхнелужицком (НОТКО)⁸**

Вершина + релятивизатор	Неспециализированные относительные	Специализированные относительные	Доля специализированных относительных местоимений
<i>Tajki, kajki</i> ‘такой, какой’	0	61	1,0
<i>Telko, kelko</i> ‘столько, сколько’	0	60	1,0
<i>Tehdy, hdy</i> ‘тогда, когда’	1	261	1,0
<i>Tam, hdže</i> ‘там, где’	4	1333	1,0
<i>Tam, z()wotke/al</i> ‘там, откуда’	11	16	0,6
<i>Tam, dokal</i> ‘там, куда’	9	0	0,0

В чешском и польском языках релятивизаторы с вопросительной основой, как правило, не содержат дополнительных показателей, однако в редких случаях (см. подробнее в разделе 2.3) в чешском выступают специализированные относительные местоимения *kterýžto* ‘который’ (7) и *což* ‘что’ (8), в польском — *który to* ‘который, каковой’ (9).

ЧЕШСКИЙ (InterCorp, К. Коллоди. «Пиноккио»)

- (7) ...*proslulého oslika, který-ž-to již měl tu čest tančit*
знаменитого ослика который-REL-REL уже имел ту честь танцевать
před Jeho Veličenstvem císařem všech hlavních evropských dvorů.
перед его величеством императором всех главных европейских дворов
‘...знаменитого ослика, который имел честь танцевать в присутствии его величества императора всех главнейших европейских дворов’.

ЧЕШСКИЙ (InterCorp, И. А. Ильф, Е. П. Петров. «Двенадцать стульев»)

- (8) *Jedna jeho stěna byla zděná, čím-ž se₁ student velice pyšnil₂.*
одна его стена была каменная чем-REL студент очень гордился_{1,2}
‘Одна стена ее была каменная, чем студент очень гордился’.

ПОЛЬСКИЙ (НКРЯ, А. Сапковский. «Божьи войны»)

- (9) *Za wyjątkiem piątku, w który to dzień odpoczywania nie było.*
за исключением пятницы в который REL день отдыха не было
‘За исключением пятницы, в которую (букв. в который день) отдыха не было’.

Как и в восточнославянских языках, специализированные относительные местоимения были более распространены на более ранних этапах существования польского [Senderska 2013; Mendoza 2017] и чешского языка [Bauer 1967].

В словацком специализированные относительные местоимения, по всей видимости, отсутствуют: в существующих описаниях они не упоминаются, а в переводных текстах (по данным [InterCorp]) чешским *což* ‘что’, *kterýžto* ‘который’ соответствуют словацкие местоимения, не отличающиеся от вопросительных.

⁸ Для верхнелужицкого (табл. 2) и македонского (табл. 4 ниже) релятивизаторы рассматриваются только в контексте вершины, выраженной соответствующим указательным местоименным словом. Некоторые из рассматриваемых местоимений совместимы и с вершинами других типов, однако именно этот контекст был выбран прежде всего для того, чтобы обеспечить максимальную сопоставимость данных по разным относительным местоимениям: как будет показано ниже (см. табл. 5), наличие существительного в вершине может влиять на частотность дополнительного маркера.

1.3. Южнославянские языки

В южнославянских языках специализированные относительные местоимения распространены наиболее широко.

В **словенском** языке аффикс *-r*, как правило (об исключении см. в разделе 2.2), обязателен в относительном контексте для всех местоимений, кроме *kateri* ‘который’, ср., например, вопросительное местоимение *kdo* и относительное *kdor* ‘кто’. Необходимо отметить, что некоторые словенские относительные местоимения отличаются от вопросительных не только наличием этого суффикса, ср. вопросительные и относительные местоимения *kaj* — *kar* ‘что’, *kdaaj* — *kadar* ‘когда’.

В литературном **болгарском** языке маркер *-to*, как правило, обязателен (о немногочисленных исключениях см. в разделе 2.2), однако релятивизаторы без дополнительных маркеров были сравнительно широко представлены в древнеболгарском [Демина 1975; Димитрова 2010] и существуют в болгарских диалектах. Согласно данным болгарского диалектного корпуса [BDLT], представленным в табл. 3, релятивизаторы без маркеров распространены преимущественно в западных говорах болгарского языка. Различие между восточной и западной группой говоров статистически значимо (χ^2 , $p < 0,01$).

Таблица 3

**Сравнительная частотность специализированных
и неспециализированных относительных местоимений (кроме ‘что’ и ‘где’)
в различных группах болгарских говоров (BDLT)**

Группа говоров	Неспециализированные относительные	Специализированные относительные	Доля специализированных относительных местоимений
Восточные говоры	21	241	0,9
Западные говоры	41	5	0,1

Как отмечено выше, из литературных славянских языков широко представлены как специализированные, так и неспециализированные относительные местоимения только в **македонском**, ср. примеры (3)–(4) выше. В большинстве работ, в которых описывается македонская релятивизация, таких как [Корубин 1969; Gołąb, Friedman 1972: 43–45; Минова-Ѓуркова 1993; Bužarovska 2009; Murelli 2011; Shagal 2016], распределение вопросительных и относительных местоимений рассматривается сравнительно кратко или не рассматривается вовсе. В работе [Kramer, Mitkovska 2011: 162] отмечается, что показатель *што* никогда не присоединяется к местоимению *што* ‘что’ и почти никогда — к местоименному наречию *кога* ‘когда’, тогда как при местоименном наречии *каде* ‘где, куда’ особенно частотен. Данные табл. 4 (с. 14) подтверждают и дополняют эти наблюдения.

Как видно из табл. 4, помимо местоименных слов ‘что’ и ‘когда’, маркирование в целом нехарактерно и для местоимения *кој* ‘кто, который’. Как можно заключить из данных табл. 5 (с. 14), в особенности редко для этой основы дополнительное маркирование в контекстах с существительным в вершине. Различие статистически значимо (χ^2 , $p < 0,01$).

Необходимо отметить, что различия могут наблюдаться и между различными местоимениями одного и того же онтологического класса. Так, в македонских диалектах по данным текстов, собранных в [Видоески 2000], представлены местоимения со значением ‘где’ от основ *kaj* и *каде*, при этом наличие дополнительного маркера значительно более характерно для первого из этих местоимений, чем для второго. Данные, приведенные в табл. 6 (с. 14), демонстрируют статистически значимое различие (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p < 0,01$). Интерпретация полученных диалектных данных требует дальнейшего исследования.

Таблица 4

Частотность специализированных относительных местоименных слов в зависимости от основы в македонском (InterCorp)

Вершина + релятивизатор	Специализированные относительные	Неспециализированные относительные	Доля специализированных относительных местоимений
Таков (,) каков (такой, какой)	45	1	1,0
Таму (,) каде (там / туда, где / куда)	484	27	0,9
Така (,) како (так, как)	229	121	0,7
Таму, (,) од каде (там, откуда)	27	10	0,7
Толку (,) колку (столько, сколько)	74	45	0,6
Тој (,) кој (тот, кто)	11	98	0,1
Тојаш (,) кога (тогда, когда)	0	305	0,0
Она (,) што (то, что)	0	3885	0,0

Таблица 5

Частотность существительных в вершине в случайных выборках (100 примеров) релятивизаторов кое-што (который.N.SG-REL) и кое (который.N.SG) в македонском языке (InterCorp)

Релятивизатор	Существительное в вершине	«Легкая» вершина ('то', 'всё' и т. д.)	Доля примеров с существительным в вершине
Кое-што (кто.N.SG-REL)	66	34	0,7
Кое (кто.N.SG)	91	9	0,9

Таблица 6

Частотность специализированных относительных местоимений с основами kaj и каде 'где' в северозападных, западных и северных говорах македонского языка

Основа местоимения	Неспециализированные относительные	Специализированные относительные	Доля специализированных относительных местоимений
Kaj	1	6	0,9
Kage	13	3	0,2

В сербохорватском литературном языке в качестве релятивизатора, как правило, выступает относительное местоимение, не отличающееся от вопросительного. По всей видимости, наиболее близко к специализированным относительным местоимениям сочетание *kao što*, состоящее из основы *kao* 'как', используемой в эквативных и симилиативных контекстах, и *što*, выступающего в сербохорватском в качестве союза с широким значением, в частности релятивизатора. Сочетание *kao što*, как правило, используется в эквативных и симилиативных конструкциях с зависимой клаузой [Пипер (ред.) 2018: 393–395], во вводных конструкциях ('как видно', 'как я сказал'), а также в отдельных контекстах, которые могут с некоторыми оговорками рассматриваться как относительные с релятивизацией позиции предиката [Там же: 251], ср. (10).

СЕРБОХОРВАТСКИЙ [Там же: 251]

- (10) *Osejŭlive duše, kao što je bio Petar...*
 чувствительные души как что был Петр
 ‘Чувствительные души, такие как Петр...’

Поскольку в этом сочетании в качестве первой части выступает союзный показатель, а не местоимение, соответствующие конструкции ниже не обсуждаются⁹.

2. Тип модификации

2.1. Общие закономерности распределения

В нескольких грамматических описаниях, посвященных распределению релятивизаторов в славянских языках, приводятся ограничения на использование специализированного местоимения, подчиняющееся одной из следующих закономерностей:

- (i) нерестриктивные > рестриктивные;
- (ii) следующие за вершиной > коррелятивы, безвершинные.

В обоих случаях появление дополнительных маркеров более характерно для конструкций, указанных слева.

Так, согласно существующим описаниям [Бауэр 1962; Mendoza 2010], в чешском и польском языке специализированные относительные местоимения возможны только в некоторых типах нерестриктивных клауз (подробнее см. в разделе 2.3), что соответствует закономерности (i).

В болгарском языке отсутствие маркеров возможно только в некоторых типах коррелятивов и безвершинных относительных клауз [Rudin 2008] (см. подробнее в разделе 2.2), в остальных же случаях показатели обязательны, что соответствует закономерности (ii).

Наряду с грамматическими запретами, указывающими на существование закономерностей (i)–(ii), можно отметить и ряд неабсолютных тенденций.

В македонском можно проследить тенденцию к более частому использованию специализированных относительных местоимений в нерестриктивных относительных конструкциях. Согласно [Корубин 1969; Gołąb, Friedman 1972], в македонском нерестриктивные относительные клаузы в обычном случае отделяются запятой, а рестриктивные не отделяются, поэтому наличие запятой для македонского можно использовать как признак, косвенно указывающий на нерестриктивность зависимой клаузы. Как видно из табл. 7, наличие дополнительного маркера более характерно для конструкций с запятой, т. е., предположительно, более распространено в нерестриктивных конструкциях. Различие статистически значимо (χ^2 , $p < 0,01$).

Таблица 7

**Рестриктивность и наличие дополнительного маркирования
 релятивизатора *koj* в македонском языке (InterCorp)**

Пунктуация	Неспециализированные относительные	Специализированные относительные	Процент специализированных относительных местоимений
После запятой	7340	188	2 %
Не после запятой	18880	260	1 %

⁹ В корпусе InterCorp встречаются в близких контекстах также единичные примеры сочетания *kako što*, в котором первую часть образует местоименное наречие *kako* ‘как’. Впрочем *kako*, как и *kao*, отмечается и в «союзных» симилиативных и эквативных контекстах.

Сходным образом, количественные данные по македонскому языку подтверждают и закономерность (ii). Специализированные относительные местоимения более характерны для относительных клауз, следующих за вершиной, чем для коррелятивов: для местоимения *kage* 'где' в относительных контекстах в целом характерно наличие показателя *шѣо*, который встречается в том числе в коррелятивных конструкциях (11), однако в этом контексте более редок, чем в относительных клаузах, следующих за вершиной. Данные о частотности относительных местоимений в конструкциях обоих типов приведены в табл. 8. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p < 0,01$).

МАКЕДОНСКИЙ (InterCorp, М. Кундера «Бессмертие»)

- (11) *Kage шѣо е смрѣѣа, шѣму е и бесмрѣносѣа.*
 где что быть.3sg смерть там быть.3sg и бессмертие
 'Где есть смерть, там есть и бессмертие'.

Таблица 8

Зависимость маркирования от позиционного типа для
основы *kage* 'где' в македонском языке (InterCorp)

Позиционный тип	Неспециализированные относительные	Специализированные относительные	Доля специализированных относительных местоимений
После вершины	16	262	0,9
Коррелятивы	4	4	0,5

Та же закономерность прослеживается на болгарских диалектных данных. Как отмечалось в разделе 1.3, в литературном болгарском языке, а также в части диалектов в относительных конструкциях почти не используются неспециализированные относительные местоимения. В ряде других болгарских диалектов неспециализированные местоимения, напротив, абсолютно преобладают, что при ограниченном количестве материала затрудняет проверку каких-либо гипотез. В табл. 9 приводятся данные по таким диалектам, для которых доступные материалы демонстрировали сравнительно высокую частотность как специализированных, так и неспециализированных относительных местоимений. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $p < 0,01$).

Таблица 9

Частотность *кой* и *който* в зависимости от позиционного типа в западном
балканском и юго-западных болгарских диалектах (BDLT)

Позиционный тип	Неспециализированные относительные	Специализированные относительные	Доля специализированных относительных местоимений
После вершины	2	7	0,8
Коррелятивы, безвершинные	8	1	0,1

Согласно [Зализняк 1981: 91], та же закономерность наблюдается в древнерусском: дополнительные маркеры в основном (хотя не исключительно) используются в постпозитивных относительных (т. е. не в коррелятивах и, вероятно, не в безвершинных).

Наблюдаемые закономерности (i) и (ii), предположительно, могут быть обобщены в терминах семантического типа модификации вершины. Согласно [Grosu, Landman 1998: 126], относительные конструкции располагаются на следующей шкале конструкций, различающихся по «вкладу» в общую семантику материала, внешнего по отношению к относительной клаузе:

- (12) (ИГ без клаузы) — нерестриктивные — рестриктивные — максимализирующие — (клауза без именного компонента в вершине)

Так, согласно описанию А. Гросу и Ф. Ландмана [Ibid.: 127], в рестриктивных конструкциях общая семантика выстраивается благодаря симметричному вкладу вершины и относительной клаузы, тогда как в нерестриктивных конструкциях «вклад» относительной клаузы в семантику конструкции лишь не прямой и опосредован дискурсом. В максимализирующих конструкциях внешний по отношению к относительной клаузе материал, входящий в относительную конструкцию, либо отсутствует, либо получает интерпретацию внутри зависимой клаузы, либо в высокой степени предсказуем, т. е. семантическая нагрузка приходится преимущественно на относительную клаузу, а не на вершину.

Известно, что максимализирующую семантику с необходимостью имеют коррелятивы и безвершинные относительные конструкции [de Vries 2002: 29]. Можно предположить, что ограничения, связанные с этими структурными типами, объясняются характерным для них типом семантической модификации. Как видно из данных, приведенных выше, во всех рассматриваемых случаях наличие дополнительного маркирования тяготеет к левому краю иерархии. Рассмотренные выше данные обобщены в табл. 10.

Таблица 10

**Использование специализированных относительных местоимений
в зависимости от семантического типа клаузы**

Релятивизатор	Максимализирующие (коррелятивы и безвершинные)	Рестриктивные	Нерестриктивные
Македонское <i>kage</i>	менее частотно	более частотно	более частотно
Древнерусский [Зализняк 1981]	менее частотно	более частотно	более частотно
Болгарский [Rudin 2008], словенский	иногда необязательно (см. раздел 2.2)	обязательно	обязательно
Македонское <i>koj</i>	менее частотно	менее частотно	более частотно
Чешский [Bauer 1967], польский [Mendoza 2010]	неграмматично	неграмматично	иногда грамматично (см. раздел 2.3)

В разделах 2.2–2.3 рассматриваются частные семантические различия в пределах групп максимализирующих и нерестриктивных относительных конструкций, влияющие на распределение релятивизаторов.

2.2. Подтипы максимализирующих относительных конструкций

Согласно работам [Rudin 2008; 2009], в литературном болгарском языке отсутствие относительного маркирования возможно только при множественной релятивизации (в коррелятивах и безвершинных относительных), при этом на допустимость этой конструкции накладывается дополнительное семантическое ограничение. Согласно описанию К. Рудина, в примерах (13)–(14) маркер отсутствует при описании списка пар референтов (pair-list), как в (13), но не одной пары, как в (14).

БОЛГАРСКИЙ [Rudin 2009: 9]

- (13) *Кой какво-то иска, да вземе.*
кто[Q] что-REL хочет пусть возьмет
‘Пусть все возьмут кто что хочет’.
- (14) *Кой-то какво-то иска, да вземе.*
кто-REL что-REL хочет пусть возьмет
‘Пусть тот, кто нечто хочет, это возьмет’.

Предположительно, то же значение может быть описано в более общих для коррелятивов терминах как контексты с универсальным (13), но не определенным (14) значением коррелятивной клаузы. Если это верно, можно обобщить, что отсутствие маркера возможно только в универсальном значении.

Для словенского языка в известной автору литературе не отмечается возможность использовать в относительных конструкциях релятивизаторы без дополнительного маркера, однако, согласно корпусным данным, в контекстах множественной релятивизации отсутствие маркирования одного из местоимений также возможно (15).

СЛОВЕНСКИЙ (InterCorp)

- (15) *naj reče kdo kar hoče*¹⁰.
пусть говорит кто[Q] что.REL хочет
‘Пусть говорят кто что хочет’.

Более того, согласно оценкам носителей словенского языка¹¹, при множественной релятивизации в безвершинных конструкциях невозможно использование двух специализированных относительных местоимений, даже в контекстах, для которых семантически естественно универсальное прочтение, таких как (16). В интернет-корпусе словенского языка [slWaC] находятся исключения из этого правила, однако они сравнительно немногочисленны и низко оцениваются носителями.

- (16) **Naj reče kdo-r kar hoče.*
пусть говорит кто-REL что.REL хочет
‘Пусть говорят кто что хочет’.

При множественной релятивизации в безвершинных конструкциях специализированные местоимения обязательны (17).

- (17) *Naj reče, kdo-r / *kdo hoče.*
пусть говорит кто-REL кто[Q] хочет
‘Пусть говорит кто хочет’.

Таким образом, как в болгарском, так и в словенском использование неспециализированных относительных местоимений более допустимо при множественной релятивизации, при этом, согласно описаниям болгарского языка, дополнительно использованию местоимения без дополнительного показателя способствует универсальная семантика конструкции.

2.3. Подтипы нерестриктивных относительных конструкций

Как отмечено в разделе 1.2, в польском и чешском языке специализированные относительные местоимения возможны только в некоторых подклассах нерестриктивных

¹⁰ Частотен также вариант написания с запятой перед словом *kar* (что.REL).

¹¹ Я благодарю М. Ухлика за грамматические суждения и помощь в сборе данных по словенскому языку.

конструкций. Для уточнения дистрибуции специализированных относительных местоимений релевантны по меньшей мере следующие два подтипа нерестриктивных конструкций:

- (i) конструкция с дублированием вершины, в которой относительное местоимение занимает атрибутивную позицию при существительном, семантически дублирующем вершину (18);
- (ii) относительная конструкция с «присоединительным относительным местоимением» в терминологии [Бауэр 1962], т. е. отсылающая к клаузе или к некоторой структуре, близкой к клаузе (19).

ЧЕШСКИЙ (InterCorp, С. Беллоу. «Приключения Оги Марча»)

- (18) *Oběd mi přinesla do postele, kterou postel zakoupila v dražbě...*
 обед мне принесла в постель которую постель купила на аукционе
 ‘Обед она принесла мне в кровать, которую (букв. которую кровать) она купила на аукционе...’

ЧЕШСКИЙ (НКРЯ, М. Кундера. «Невыносимая легкость бытия»)

- (19) *Je pro nás jednodušší hádat se s ním,*
 есть для нас проще ругаться с ним
urážet ho (což nemá vůbec žádný smysl)...
 оскорблять его что.REL нет вообще никакой смысл
 ‘Для нас куда как проще спорить с ним, оскорблять его (что, кстати, абсолютно бессмысленно)...’

Согласно статье [Mendoza 2010], в польском языке для местоимения *który to* ‘который’ возможны только контексты с дублированием вершины (i), подобные примеру (9) выше.

Для чешского местоимения *kteřížto* ‘который’ возможны контексты первого и второго типа, при этом иные нерестриктивные контексты встречаются, однако очень редки (около 6 примеров на случайную выборку в 50 предложений по данным корпуса InterCorp).

Преобладание контекстов с дублированием вершины отмечается и для древнерусского и староукраинского *которыи то* [Зализняк 1981: 106].

Выводы

Как было показано в разделе 1, славянские языки значительно различаются по тому, насколько широко в них используются специализированные относительные местоимения, образованные от вопросительных.

В то же время в разделе 2.1 было продемонстрировано, что по крайней мере в одном отношении распределение местоимений в славянских языках подчиняется единой закономерности. Одним из факторов, влияющих на распределение специализированных и неспециализированных относительных местоимений, является тип модификации в соответствии с иерархией [Grosu, Landman 1998: 126], повторяемой в (20). Выбор местоимений, совпадающих с вопросительными, более характерен для правого края иерархии.

- (20) (ИГ без клаузы) — нерестриктивные — рестриктивные — максимализирующие — (клауза без именного компонента в вершине).

Представляется, что это обобщение может быть уточнено на основании данных, обсуждаемых в разделах 2.2–2.3.

Как было отмечено в разделе 2.2, из максимализирующих конструкций маркирование наименее характерно для относительных клауз с множественной релятивизацией и универсальной семантикой. Общей особенностью этих двух дополнительных ограничений

является большая близость таких относительных конструкций к вопросительным. Так, в литературе конструкции с несколькими несочиненными вопросительными или относительными местоимениями отмечаются для коррелятивов и некоторых типов безвершинных относительных, но не для обычных рестриктивных, см., в частности, [Grosu, Landman 1998: 157]. Необходимость универсальной семантики для конструкций, содержащих неспециализированные относительные местоимения, находит параллель в диахронии развития относительных конструкций: согласно [Belyaev, Haug (in print)], при образовании коррелятивов с релятивизатором, образованным от вопросительного местоимения, универсальное значение первично. Таким образом, вопросительные местоимения без дополнительных маркеров оказываются более допустимы в контекстах, которые, во-первых, синтаксически близки к вопросам (по допустимости более одного вопросительного / относительного слова), во-вторых, демонстрируют семантику, диахронически первичную для относительных конструкций, развившихся из вопросительных.

Предпочтительность дополнительного маркирования в контекстах с отсылкой к клаузе, возможно, следует интерпретировать следующим образом. Левый край иерархии [Grosu, Landman 1998: 126] предполагает, во-первых, большую синтаксическую структуру, соответствующую вершине относительной конструкции, во-вторых, меньшую синтаксическую связность между вершиной и зависимой клаузой (ср. рассмотрение отношения нерестриктивной клаузы к вершине в терминах дискурсивной анафоры в [Ibid.: 127]). По всей видимости, в случае с конструкциями, отсылающими к клаузе, объем составляющей-антецедента оказывается еще больше, чем при обычных нерестриктивных конструкциях, а синтаксическое отношение еще менее ограничено синтаксическими правилами (ср. частотность парцелляции в таких конструкциях, а также отмечаемую в [de Vries 2018] способность таких относительных клауз отсылать к фрагменту дискурса, превышающему предложение). Таким образом, относительные конструкции с антецедентом-клаузой, возможно, следует разместить на иерархии (20) левее, чем обычные нерестриктивные относительные конструкции.

Приведенные выше уточнения позволяют предположить, что специализированные относительные местоимения в славянских относительных конструкциях тяготеют не просто к нерестриктивным контекстам, но к таким из них, в которых **антецедент** в наибольшей степени **семантически и синтаксически независим** от относительной клаузы.

Отдельной сложной задачей представляется определение того, какой из признаков специализированных относительных местоимений влияет на их тяготение к левой части иерархии (20). Существуют по крайней мере следующие логические возможности.

- 1) Важна сама по себе производность относительных местоимений (возможно, признак специфичен для местоимений, образованных от вопросительных). Возможная причина такого явления могла бы быть в следующем. Как видно из иерархии (20), максимизирующие конструкции наиболее близки по свойствам к простым клаузам, т. е. в случае с рассматриваемыми местоимениями к их диахроническому источнику, вопросительным конструкциям. Естественнее предполагать, что если в каких-либо контекстах относительные местоимения будут отличаться от исходных вопросительных, то это будет верно для тех контекстов, которые максимально отличаются от вопросительных, т. е. как раз для контекстов в левой части иерархии.
- 2) Важно некоторое общее свойство используемых показателей, образующих специализированные относительные местоимения.
- 3) Важна специализированность сама по себе, т. е. отсутствие у релятивизатора иных контекстов употребления, кроме относительных.

В целом решение этой задачи представляется далеко выходящим за пределы настоящего исследования, поскольку для этого необходимо привлечение большого количества данных неславянских языков, однако ниже приведены некоторые основные замечания, касающиеся возможного пути, который мог бы привести к ответу на поставленный вопрос.

Для выбора между первыми двумя гипотезами важно прежде всего понять, есть ли какое-либо существенное свойство, объединяющее все обсуждаемые показатели. Автору настоящей статьи такое свойство неизвестно, кроме, возможно, постпозитивного расположения по отношению к основе. Анонимный рецензент отмечает, что тяготение частиц *-ž* и *-to* к нерестриктивным контекстам может быть связано с тем, что они восходят к маркерам топика, тогда как свойства *што* могут объясняться независимо тем, что для союзных релятивизаторов, таких как *што*, в целом нехарактерно использование в коррелятивах. Действительно, обобщение, согласно которому релятивизаторы, выраженные союзами (relative complementizers), избегают в коррелятивных контекстах, отмечается в [de Vries 2002: 38] как преимущественно верное, хотя и знающее исключения, для значительной по объему языковой выборки. Такой путь рассуждения кажется автору потенциально возможным, однако хотелось бы отметить, что неочевидно, каким образом следует в рамках этого рассуждения объяснять предпочтительность македонского маркера *што* в нерестриктивных контекстах по сравнению с рестриктивными. Показательными для выбора между гипотезами могли бы быть данные о других системах, в которых существуют специализированные и неспециализированные относительные местоимения, такие как, например, венгерская система релятивизации, где относительные местоимения образуются от вопросительных и факультативно содержат показатель *a-* [Kiss 2004: 243]. В то же время некоторая сложность заключается в том, что в известных автору случаях сравнительно невелико количество диахронических источников таких маркеров, преимущественно относящихся к зоне определенности и происходящих из артиклей или указательных местоимений, см., например, [Hendery 2012: 267–269]. Такое единообразие диахронических источников затрудняет обсуждение того, в какой мере происхождение маркера влияет на дистрибуцию содержащего его местоимения.

Для выбора между третьей гипотезой (специализированность) с одной стороны и первой или второй гипотезой (производность сама по себе или в связи с используемым показателем) с другой необходимо было бы понять, каковы свойства специализированных местоимений, не содержащих дополнительных маркеров. Анонимный рецензент указывает, что в качестве специализированного местоимения, не содержащего дополнительных показателей, можно рассматривать в том числе русское местоимение *который*, редко используемое в качестве вопросительного. Если принять это допущение, данные славянских языков о распределении местоимений, подобных *который* и *кто*, хорошо согласуются с утверждением, что специализированные местоимения, вне зависимости от их происхождения, тяготеют к левому краю иерархии (20): как показано в статье [Kholodilova 2017], славянские местоимения типа ‘который’ этому обобщению подчиняются. В то же время для местоимений типа русского *который* неочевидно, что специализированность — основной признак, отличающий их от местоимения типа *кто*, см. обсуждение этого вопроса в [Ibid.: 122–125], поэтому они представляются менее наглядными для настоящего обсуждения. То же верно и для некоторых более несомненных специализированных относительных местоимений, таких как, например, финское местоимение *joka* ‘который’, не используемое в качестве вопросительного.

Более показательны для решения вопроса о том, является ли рассматриваемое свойство общим для всех специализированных местоимений или только для таких, которые образованы с помощью маркеров (некоторого типа), вероятно, были бы такие системы, в которых релятивизаторы образуют отдельную серию с основой, отличной от вопросительной или указательной. Такая система представлена, например, в санскрите [Burrow 1955/2001: 275], однако автору настоящей статьи неизвестны упоминания для санскрита таких случаев, в которых бы специализированные относительные местоимения конкурировали с релятивизаторами других типов¹². Если такие случаи отсутствуют, установить «грамматические предпочтения» специализированных относительных местоимений для санскрита невозможно.

¹² Благодарю за консультацию по санскриту М. Е. Шляхтер.

Таким образом, доступные данные не дают возможности ответить на вопрос о том, какая из возможных гипотез верна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Видоески 2000 — Видоески Б. Текстови од дијалектите на македонски. Скопје: Св. Климент Охридски, 2000.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>. (дата обращения 19.11.19)
- BDLT — Bulgarian Dialectology as Living Tradition. URL: <http://www.bulgariandialectology.org>, дата обращения 06.12.16)
- НОТКО — Hornolužický textový korpus (korpus.cz/corpora/run.cgi/first_form, accessed via “Kontext” interface at kontext.korpus.cz, дата обращения 25.05.19)
- InterCorp — URL: <https://ucnk.ff.cuni.cz/InterCorp/>, accessed via “Kontext” interface at kontext.korpus.cz (даты обращения 06.12.16, 25.05.19)
- Parasol — Parasol / von Waldenfels R., Meyer R. (2006–): ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages. URL: parasolcorpus.org. Bern, Regensburg (дата обращения 25.05.19).
- slWaC — URL: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/first_form?corpname=slwac (дата обращения 01.03.20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бауэр 1962 — Бауэр Я. К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения (на материале чешского языка). *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 6. Топоров В. Н. (отв. ред.). 1962, 89–111. [Bauer Ya. On the genesis and development of types of complex sentence: A case study in Czech. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. No. 6. Toporov V. N. (ed.). 1962, 89–111.]
- Демина 1975 — Демина Е. И. Из болгарского исторического синтаксиса. Сложные предложения с союзным словом *който* в языке дамаскинов XVII века. *Славянское и балканское языкознание*. Вып. 1: *Проблемы интерференции и языковых контактов*. Клепикова Г. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1975, 104–136. [Demina E. I. From historical syntax of Bulgarian. Complex sentences with *kojto* in the language of 17th-century damaskins. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*. No. 1: *Problemy interferentsii i yazykovykh kontaktov*. Klepikova G. P. (ed.). Moscow: Nauka, 1975, 104–136.]
- Димитрова 2010 — Димитрова М. Местоимения във възрожденския текст: стабилизация на нормата при въпросителните и относителните местоимения. *Български език*, 2010, 57(2): 113–124. [Dimitrova M. Pronouns in Renaissance texts: Stabilization of the norm in interrogative and relative pronouns. *Balgarski ezik*, 2010, 57(2): 113–124.]
- Зализняк 1981 — Зализняк А. А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском. *Балто-славянские исследования 1980*. Иванов В. В. (отв. ред.). М.: Наука, 1981, 89–107. [Zaliznyak A. A. Relative vs. interrogative pronouns in Old Russian. *Balto-slavyanskije issledovaniya 1980*. Ivanov V. V. (ed.). Moscow: Nauka, 1981, 89–107.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Корубин 1969 — Корубин Б. За основните структурно-смысловни типови на релативната реченица во македонскиот литературен јазик. *Македонски јазик*, 1969, 20: 7–34. [Korubin B. On the basic structural-semantic types of relative clauses in Standard Macedonian. *Makedonski jazik*, 1969, 20: 7–34.]
- Минова-Ѓуркова 1993 — Минова-Ѓуркова Л. Релативното надоврзување во македонскиот стандарден јазик. *Прилози МАНУ / ОЛЛН*, 1993, 18(2): 67–96. [Minova-Đurkova L. Relative clauses in Standard Macedonian. *Prilozi MANU / OLLN*, 1993, 18(2): 67–96.]
- Пипер (ред.) 2018 — Пипер П. (ред.). *Синтакса сложене реченице у савременом српском језику*. Нови Сад; Београд: Матица српска; Институт за српски језик САНУ, 2018. [Piper P. (ed.). *Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku* [Syntax of polypredication in Modern Serbian]. Novi Sad; Belgrade: Matica Srpska; Institute of the Serbian language, 2018.]

- Шведова 1998 — Шведова Н. Ю. *Местоимения и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства*. М.: Азбуковник, 1998. [Shvedova N. Yu. *Mestoimeniya i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronouns and meaning. The class of Russian pronouns and meaning spaces revealed by them]. Moscow: Azbukovnik, 1998.]
- Янович, Грунтова 2007 — Янович И. С., Грунтова Е. С. Дистрибуция русских относительных местоимений *кто (что)* vs. *который*. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007»*. Иомдин Л. Л., Лауфер Н. И., Нариньяни А. С., Селегей В. П. (ред.). М.: РГГУ, 2007, 626–629. [Yanovich I. S., Gruntova E. S. Distribution of Russian relative pronouns *kto (čto)* vs. *kotoryj*. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2007»*. Iomdin L. L., Laufer N. I., Narin'yani A. S., Selegei V. P. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2007, 626–629.]
- van der Auwera, Kučanda 1985 — van der Auwera J., Kučanda D. Pronoun or conjunction — the Serbo-Croatian invariant relativizer *što*. *Linguistics*, 1985, 23(6): 917–962.
- Bauer 1967 — Bauer J. K. K vývoji vztahných vět v slovanských jazycích [On the development of relative clauses in Slavic languages]. *Slavica Slovaca*, 1967, 2(4): 297–320.
- Bayer 1984 — Bayer J. COMP in Bavarian syntax. *Linguistic Review*, 1984, 3(3): 209–274.
- Belyaev, Haug (in print) — Belyaev O., Haug D. Correlatives in Indo-European and beyond. *Language* (in print).
- Bužarovska 2009 — Bužarovska E. Restrictive relative clauses in standard Macedonian and standard Bulgarian. *Investigations in the Bulgarian and Macedonian nominal expression*. Dimitrova-Vulchanova M., Tomić O. M. (eds.). Trondheim: Tapir Academic Press, 2009.
- Burrow 1955/2001 — Burrow T. *The Sanskrit language*. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 2001.
- Faßke 1981 — Faßke H. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*. Bautzen: Domowina, 1981.
- Gołąb, Friedman 1972 — Gołąb Z., Friedman V. A. The relative clause in Slavic. *The Chicago Which Hunt. Papers from the relative clause festival*. Peranteau P., Levi J., Phares G. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1972, 30–46.
- Grosu, Landman 1998 — Grosu A., Landman F. Strange relatives of the third kind. *Natural Language Semantics*, 1998, 6(2): 125–170.
- Hendery 2012 — Hendery R. *Relative clauses in time and space: A case study in the methods of diachronic typology*. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Kholodilova 2017 — Kholodilova M. Competition between ‘who’ and ‘which’ in Slavic light-headed relative clauses. *Slověne*, 2017, 6(1): 118–147.
- Kiss 2004 — Kiss K. É. *The syntax of Hungarian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Kordić 1995 — Kordić S. *Relativna rečenica* [Relative clause]. Zagreb: Matica Hrvatska, 1995.
- Kramer, Mitkovska 2011 — Kramer E., Mitkovska L. *Macedonian: A course for beginning and intermediate students*. 3rd edn. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2011.
- Matras, Tufan 2007 — Matras Y., Tufan Ş. Grammatical borrowing in Macedonian Turkish. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras Y., Sakel J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007, 215–227.
- Mendoza 2010 — Mendoza I. Relativsätze mit *który to*. *Slavistische Linguistik 2008/2009: Referate des XXXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Oldenburg, 22.–26. September 2008 und des XXXV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Salzburg, 21.–25. September 2009 und weitere linguistische Beiträge* (Wiener Slawistischer Almanach, 65). Mendosza I., Reuther T. (Hrsg.). München: Otto Sagner, 2010, 105–118.
- Mendoza 2017 — Mendoza I. Zur Variation von Relativpronomina im Altpolnischen: Die Rolle der Relativisatoren. *Slavistische Linguistik 2015. Referate des 41. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Wien. Literaturwissenschaftliche Beiträge. Texte und Materialien Rezensionen* (Wiener Slawistischer Almanach, 79). Hansen-Löve A. A. et al. (Hrsg.). Berlin: Peter Lang, 2017, 93–105.
- Mitrović 2016 — Mitrović M. A relative syntax and semantics for Slovenian. *Formal studies in Slovenian syntax*. Marušič F., Žaucer R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2016, 221–252.
- Murelli 2011 — Murelli A. *Relative constructions in European non-standard varieties*. Berlin: Walter de Gruyter, 2011.
- Rudin 2008 — Rudin C. Pair-list vs. single pair readings in multiple *wh* free relatives and correlatives. *Kansas Working Papers in Linguistics*, 2008, 30: 257–267.

- Rudin 2009 — Rudin C. The Bulgarian relative marker *-to*. *A Linguist's linguist: Studies in South Slavic linguistics in honor of E. Wayles Browne*. Franks S., Chidambaram V., Joseph B. (eds.). Bloomington: Slavica, 2009, 403–422.
- Rudin 2014 — Rudin C. Sorting out *-to* and *-što*: Bulgarian and Macedonian relative markers. *New insights into Slavic linguistics*. Witkoś J., Jaworski S. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014, 317–328.
- Senderska 2013 — Senderska J. *Zdania względne w historii polszczyzny* [Relative clauses in the history of Polish]. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2013.
- Shagal 2016 — Shagal K. Factors regulating variation in Macedonian relative clauses. *In search of the center and periphery — Linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans*. Makartsev M., Wahlström M. (eds.). Helsinki: Univ. of Helsinki, 2016, 163–177.
- de Vries 2002 — de Vries M. *The syntax of relativization*. Utrecht: LOT, 2002.
- de Vries 2018 — de Vries M. Relative clauses in syntax. *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. URL: <http://linguistics.oxfordre.com/> (дата обращения 19.11.19).

Получено / received 19.11.2019

Принято / accepted 21.01.2020